

«МЕТОДИКУ» гадания на ромашке все знают: «Любит, не любит»... и т. д. В театрах нет ромашек. Разве что бутафорские. Но ему, театру, бывает куда важнее, чем, к примеру, семнадцатилетней девушке, выяснить: любит или не любит? И еще: пойдет или не пойдет?

У девчат забота личная. У театра — общественная. О зрителе гадается он: о тех, ради кого живет, ради кого мается над поиском репертуара, над постановкой спектаклей.

Разумеется, кроме желания привлечь зрителя, есть у каждого театра немало других соображений, определяющих включение в их афиши того или иного произведения: художественные и идейные достоинства пьес, их жанровое разнообразие, желание поговорить со зрителем о самом важном и т. д.

Но при всем при том «любит, не любит» со счетов сбрасывать нельзя.

И тут, порою, происходят вещи, которые, на первый взгляд, могут показаться странными, даже парадоксальными.

Пройлюстрируем это на последних постановках областного драматического театра. Давно ли афиши сообщали о премьере «Бани» Маяковского? А найдите «Баню» в сегодняшних его афишах! Один раз в два месяца ее еще можно встретить. Спектакль, как говорится, «сошел». Это боевой-то спектакль — острый, злободневный, нужный!

Чуть позднее появилось извещение о премьере драмы (точнее было бы сказать, слезливой мелодрамы, хотя так писать в афишах не принято) К. Финна «Задержан на улице». Проходит месяц, другой, а публика идет и идет на этот спектакль. В зале слезы, ахи и охи...

В ЧЕМ тут дело? Ведь ни у кого не повернется язык сказать, что сомнительные драматургические достоинства «Задержанного» — пьесы, написанной в испытанных канонах сердцещипательной мелодрамы (бедный, но гордый сирота, умирающая гордая мать, отец-полуподлец, благоденствующий до поры до времени, и т. д.), хотя бы в малой мере могут идти в сравнение с достоинствами первооткрывательской пьесы Маяковского. Несомнимые достоинства этой вещи! А вот на тебе: «Бани» сошла, а «Задержанный» чувствует себя хозяином на сцене.

Дело тут, думается, вот в чем. Зритель (подготовленный и неподготовленный, «выросший» и «невыросший»), отученный в свое время от театра тусклой дидактической драматургией ремесленников-драматургов, любил, любит и будет любить спектакли остро сюжетные, с крепкой интригой, занимательные. И сколько бы знакомы ни были пьесы, поданные «Задержанному на улице» (или шедшему у нас годом раньше «Серванту милиции»), последние будут привлекать менее подготовленного зрителя сюжетной «остротой».

Лишь в воспитании художественного вкуса они, увыв ничего, кроме вреда, принести не могут.

И еще — зритель всяких вкусов и всяких лет жадно тянется

к театральности, к сценической яркости спектакля. Для него, зрителя, театр был, есть и будет арлешином, а не однообразной, пусть даже и очень умной, беседой на заданную «нужную» тему. В театр зритель идет, как на праздник, а не как на деловое собрание. А «Задержанный» — зрелище.

Он занимателен, как дешевый детектив.

ГОВОРЯ все это, автор ни в какой мере не хочет принизить усилия артиста Б. Н. Нигифа, выступившего в «Задержанном на улице» не только в качестве превосходного исполнителя одной из главных ролей — майора милиции Городнова, но и в новом для себя амплу режиссера. Роль свою он сыграл очень точно и тонко, в отличной реалистической манере. И спектакль поставил вполне профессионально, выявив почти все путное, что было в пьесе. Ведь не вина постановщика, что столько фальши содержится, скажем, в финальных монологах-саморазоблачениях «знатного мастера» Гусарова (заслуженный артист РСФСР П. С. Славинский). Не его вина, что автор чисто спекулятивно, нисколько не сообразуясь с жизненной правдой или хотя бы с относительным художественным вкусом, вытаскивает на сцену и даже «философски осмысливает» (точнее — смакует) некоторые постельные нюансы, способные доставить наслаждение разве только определенной группе завсегдатаев бракоразводных процессов.

В одном, пожалуй, стоит упрекнуть Б. Н. Нигифа: в том, что он не сделал некоторых купюр в авторском тексте. Хотя бы там, где Гусаров доказывает, что, лаская другую женщину, он делал это... из любви к собственной жене! Такая «психологическая тонкость» больше смахивает на дурной анекдот.

Но купюры-вычерки — дело сложное. Так или иначе спектакль привлекает довольно широкий круг зрителей, не всегда еще умеющих отличить драматургический суррогат от настоящей драматургии.

В КУС же зрителю обязан прививать все тот же театр! От его работы зависит растущая зыбкость зритель. И воспитывается такая зыбкость предельной продуманностью репертуара, умением ярко и взволнованно говорить со зрителем о самом важном, знакомить его со всем лучшим, что уже есть в драматургии и что рождается сегодня.

К спектаклям, способным воспитывать хороший художественный вкус и юного, и зрелого зрителя, в этом сезоне по праву можно отнести две очень разные, но во многом похожие работы театра: «Снежную королеву» и «В дороге». Первая из них — поэтическая сказка покойного советского драматурга Евгения Шварца, написанная по андерсеновским мотивам. Вторая — предельно современная пьеса о судьбах молодых людей, о сложном поиске главного в жизни, принадлежащая

перу талантливого драматурга Виктора Розова. В первой — все сказочно. Даже «настоящие» разбойники и те сказочны в хорошем смысле этого слова. Во второй — все предельно реалистично. От сломанных каблучков мерзавца до доподлиннейшего мерзавца в привокзальном буфете.

И все же эти спектакли сродни друг другу. Роднит их масштабность, значительность тем.

Не только дети, но и взрослые с трепетом следят за «Снежной королевой» за борьбой сил добра с силами зла, корысти с бескорыстием, жестокосердия с человеческим теплом. И спектакль активен, силой художественных образов воспитывает в зрителе добро, веру в неодолимое товарищество — качества, которые так необходимы сегодняшним строителям коммунизма. И еще он воспитывает поэтическое чувство, фантазию, без которых человек, как без крыльев.

Не только зрелые люди, но и сверстники главного героя розовской «современной истории» — Вовы, с волнением следят за его первыми столкновениями с крутой жизнью, ломкой, ложной и путанной «философией» грамотного юнца, рождением первой настоящей любви. Этот спектакль тоже воспитывает. Но иначе. Он заставляет задуматься вступающих в жизнь, силой образов своих зовет к трудовому подвигу тех, кто не нашел еще твердого места в коммунистической стройке. И тоже будит фантазию, точно так, как и непримиримость ко всяческой фальши в жизни.

ОБЕ ЭТИ работы — разные, но родственные, не могли не вызвать хорошего волнения у режиссеров и артистов. И хотя режиссерское умение молодого постановщика «Снежной королевы» Д. А. Балтрушайтиса трудно пока сравнить со зрелым мастерством заслуженного деятеля искусств Киргизской ССР Г. Л. Дроздеца, поставившего «В дороге», одно очевидно: они вложили в свою работу душу. Отсюда берут исток и многочисленные актерские удачи в том и другом спектаклях. Нам хочется отметить в «Снежной королеве», например, работы заслуженной артистки РСФСР А. Н. Крупновой и артистки Л. М. Поповой (бабушка), К. Ю. Соколовой (Герда), И. В. Шварцберг (атаманша), А. Т. Смирнова (советник), Н. Н. Забелина (король) и заслуженной артистки РСФСР М. И. Дегтевой (яворна). Для них, да и для других исполнителей характерно тонкое понимание специфики спектакля-сказки, ее поэзии.

«В дороге» же, по правде говоря, трудно вообще кого-либо выделить из единого, крепко спаянного ансамбля. Разве что артиста М. Ф. Митина, проникновенно (и что особенно дорого), с подкупающей искренностью раскрывшего перед зрителем сложную, мятущую душу своего героя Вовы. В самом деле, кого выделить, если в спектакле, что ни эпизод — то и встреча с новым, отлично выведенным характером.

Велика ли, скажем, роль у драматурга, «посочувствовавшего» Вове и его спутнице Симе? Но артист И. Д. Клейн так ее исполнил, что перед зрителем и человек со всеми глубоко индивидуальными (кстати, смешными, комичными) чертами, и тип злой, «себе на уме» мещанин. Немногим больше

в пьесе уделено места сталевару Павлу. Но и режиссер, и артист И. И. Кутянский так много души и дум ввели в этот образ, что «эпизодический» Павел — крепко стоящий на своей земле рабочий человек — стал в полном смысле одной из центральных фигур спектакля.

КОРОМЕ драматургических достоинств «Снежной королевы» и «В дороге», кроме идейной и художественной зрелости спектаклей, созданных на благодарном материале хороших пьес, есть еще одно качество, роднящее эти два спектакля: яркая театральность, зрелищная выразительность. Можно смело сказать, что в большом успехе, вполне заслуженно выпавшем на эти работы театра, названные выше качества сыграли не последнюю роль.

Световые эффекты и широкое использование светящихся красок даже при относительно малом декораторском опыте художника Я. Т. Ходакова, оформившего спектакль «Снежная королева», помогли создать на сцене тот особый колорит «волшебности», праздничной торжественности, даже «таинственности», без которой сказка — не сказка.

Совсем в иной манере — предельно лаконично, без традиционного нагромождения бытовых деталей — оформлен спектакль «В дороге». Но это оформление приобрело исключительную выразительность благодаря новому для нашего театра приему: проектированию на огромный (но не громоздкий) экран наиболее характерных для данной ситуации цветных картин — фонов. Достоверность, реализм этих ярких «живых» картин — мартовского снега или основного бора, левитановских далей или огромной махты — не только не исключили, но именно создали дорогую сердцу зрителя театральность, яркость зрелища. Экран органично вошел в ткань спектакля, позволил режиссеру довести до высокого драматического накала сцену испытания Вовой собственной смелости, добиться большой выразительности ряда других эпизодов.

Оформление спектакля «В дороге» — крупный творческий успех главного художника театра А. И. Висоцкого. Успех особенно примечательный потому, что поиск талантливого декоратора шел по главному направлению: помочь раскрыть идейную суть спектакля, ясней донести мысль драматурга и театра.

В ЭТОЙ связи вернемся к тому, о чем лишь упомянули в начале статьи — к судьбе спектакля «Бани». Напомним читателю, что поставил «Баню» тот же режиссер, что и «В дороге», а оформлял тот же художник. Горько, с любовью и волнением отнес-

лись они в свое время к членискому «рождению» «Бани». Жить бы да жить, дрались бы да дрались против бюрократической и мещанской скверны этому боювому спектаклю, если бы не одно «но»... Заключается оно в том, что сам театр фактически отказался от боя за долгую сценическую жизнь своего детища. А вместе с этим, исподволь, отказался и от боя за зрителя, за воспитание его настоящего художественного вкуса.

В театре могут сказать: «Зритель стал плохо ходить на «Баню». Не нравится, значит, зрителю. Вот «Задержан на улице» — это другое дело.

И подтвердят отчетами о кассовых сборах.

Фининспектора это может даже удовлетворить. Но того, кому дороги судьбы театра, его гражданское лицо — ни в коем случае!

Почему у «Бани» оказался такой короткий век? Да потому, что интересно поставленный, любовно сыгранный, спектакль этот оказался лишенным одного из важнейших своих качеств: театральности, фееричности, на которых так упорно настаивал Владимир Владимирович Маяковский. Обычная, «бытовая» оказалась поэтому даже фосфорическая женщина — посланница коммунистического вена. Лишенными зрелищности яркости, световых и звуковых эффектов оказались даже такие эпизоды, как испытание «Машинки времени» или появление фосфорической женщины.

А без всего этого, без большой фантазии и поиска в решении зрительного образа спектакля невозможно (как и предупреждал Маяковский) полное и яркое раскрытие его идейного, политического образа, выделение огромного оптимизма «Бани».

СКАЖУТ: стоит ли ворошить прошлое? Стоит! Хотя бы потому, что «экономию» на постановке пьесы Маяковского, далеко не полное использование технических возможностей театра, точно так же, как и включение в репертуар мещанской мелодрамы «Задержан на улице», — уступка дурному вкусу, отход от позиций, которые обязан отстаивать театр.

Это тем досаднее, что судя даже по двум последним спектаклям — «Снежной королеве» и особенно «В дороге», — у театра есть и силы и средства для того, чтобы не сдавать творческих позиций.

Пусть девушки гадают на ромашках: «Любит или не любит». Театр может обойтись без такого гадания. Для этого он должен, обязан ставить на своей сцене пьесы художественно и идейно зрелые. И уж тут от театра, от его мастерства, от его творческого горения и целеустремленности будет зависеть: полюбит или не полюбит зритель тот или иной спектакль.

И от театра же зависит, чтобы зритель любил достойное: любовь И. ПОДОРОЖАНСКИЙ.

ЗАБАНКАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ 3 СТР.

13 марта 1963 года.

Забанкальсский рабочий